

УДК 821.1 61.1+394+087.5
ББК 83.3(2)+83.8

О.С. Батова

**АРХЕТИП ОТЦА
В ТВОРЧЕСТВЕ
Л. ПАНТЕЛЕЕВА**

В статье сделан акцент на рассмотрении мифопоэтического «пласта» произведений Л. Пантелеева. В работе прослеживается взаимосвязь исторического времени и архетипа Отца, представленного в религиозном и гендерном контекстах.

Ключевые слова: *архетип, идея отцовства, Отец, гендер, феминизация.*

Батова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры литературы Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Тел.: 8-917-645-47-95
E-mail: reutolga@yandex.ru.

© Батова О.С., 2015.

Отечественная критика XX в. трактовала произведения известного советского писателя Л. Пантелеева в рамках социологического или педагогического подходов¹. Иное прочтение в силу известных причин было практически невозможно, поэтому представляется оправданной попытка при изучении литературного наследия писателя сделать акцент на мифопоэтическом «пласте», а именно на архетипе Отца, проходящем красной нитью через все творчество писателя.

По мнению К.Г. Юнга, отец – это «auctor и авторитет, а потому закон и государство» [Юнг, с. 36], он является «всеобъемлющим образом Бога, динамическим принципом» [Там же]. Существуют различные подходы к трактовке архетипа Отца: мифолого-архетипический, восходящий «к коллективному бессознательному (прародитель, праотец, отец рода человеческого)» [Семикина, с. 129], исторический (отец нации), социокультурный, религиозный, гендерный и др. В данной работе мы акцентируем внимание на двух последних подходах, которые представлены в произведениях Л. Пантелеева. Заметим, что все вышеперечисленные трактовки зависят от взглядов и ценностей, преобладающих в обществе на том или ином этапе его развития. Конкретное историческое время может активизировать целое поколение мужчин с одинаковой жизненной направленностью [Болен]. Так происходит в эпоху общественных катаклизмов, войн и революций, когда на смену родству по крови приходит родство по духу, когда

отвергнутый семейный очаг заменяется жертвенным служением идее. Довольно часто разрушение семейных связей мы наблюдаем и в произведениях Л. Пантелеева, во многих из них актуализируется ситуация потери родного отца. Достаточно вспомнить Маринку («Маринка»), Матвея Капитоныча («На ялике»), Коську («Портрет»), детей из записок писателя «В осажденном городе». Особенно многочисленна плеяда персонажей-сирот в повести «Республика ШКИД». Так, например, Колька Громоносцев в пять лет «потерял отца, а позже и мать» [т. 2, с. 30]; «Панькин отец был умный и свободомыслящий: он принадлежал к местному социал-демократическому кружку. За это он был отстранен от должности учителя, проще сказать – выгнан. Он целиком отдал себя революционному делу, семья же голодала, дети росли... В 1917 году Панькиного отца убили на улице казаки» [Там же, с. 226]; Янкель вовсе не помнит отца: «Иногда что-то смутно промелькнет в его мозгу... Он сидит на гробу высоко над всеми, а за ними идут мать, бабушка и кто-то еще, кого он не знает... Больше он ничего вспомнить не мог. Кузница дворовая с пылающим горном стала его отцом» [Там же, с. 39].

Лишенные заботы родителей, ребята не могут в полной мере открывать для себя «государство, закон, долг, ответственность и разум» [Юнг, с. 36], поэтому постепенно «место отца начинает занимать человеческое общество» [Там же], причём герои Л. Пантелеева зачастую попадают в специфический воровской мир, где ими руководят криминальные авторитеты, т. е. происходит «не просто замена, а уже связанная с родителями действительность, проникшая благодаря родительскому первообразу в душу ребенка» [Там же]. Блуждающие по стране мальчишки предоставлены сами себе и думают только о собственном благополучии, мечтая стать лучшим вором.

Впоследствии, когда шкидцы попадают с улицы в школу им. Ф.М. Достоевского, настоящим родителем, воплощающим идею «Небесного отцовства», для них становится заведующий – Виктор Николаевич Сорокин. В этом образе идея отцовства реализуется в религиозном аспекте. Дело в том, что подлинный отец не следует культу силы, ведь «Творец создал людей не для того, чтобы повелевать и помыкать ими. Сотворение человека было актом именно Отцовской любви. Ради нее человек создан по образу и подобию Божию, то есть и бессмертным, и свободным. С первых и до последних страниц Библия свидетельствует о Боге не как о Хозяине, Повелителе, а именно как о любящем Отце» [Краснов, с. 28]. Викниксор, став главой республики ШКИД, создаёт своеобразную метафорическую семью. «Принятие ребенка в семью, желание согреть его лаской – богоугодное дело, но таковым оно может быть лишь для тех, чей образ жизни может стать достойным примером для других» [Савина, с. 46]. Педагог понимает, что ребята преступили Божии Заповеди под воздействием сложившихся обстоятельств, поэтому он старается обнаружить в душе каждого из воспитанников доброе зерно, тем самым укрепив «нити» духовного родства: например, у Николая Громоносцева Викниксор отмечает математический талант, а у

Гришки Черных – даровитость художника. В эпоху войн и революций именно Викниксор воплощает идею «Небесного отцовства», как и Отец в притче о блудном сыне, он не может не простить своих воспитанников и не способствовать их нравственному преображению.

Любовь и милосердие Викниксора находят выражение в неравнодушном отношении к духовным потребностям ребят. Причем отеческое отношение Викниксора к воспитанникам «диктуется не юридическими (правовыми) рамками Закона, но имеет совершенно иной подтекст. Мы видим... христианскую помощь неимущему и нуждающемуся. Возникает новое – во Христе – благодатное единение людей» [Есаулов, с. 18]. Разумеется, не все педагоги руководствуются идеями любви и милосердия, некоторые взрослые стремятся в ШКИДу только затем, чтобы получить паёк и трудовые книжки: «пайкоеды, или слабовольные, приходили, осматривались день-два и убегали прочь, чувствуя свое бессилие перед табуном задорных и дерзких воспитанников» [т. 2, с. 72]. В сердце же Викниксора живёт подлинная любовь к ближнему, а значит, и любовь к Богу [Иов, гл. 1 – 5, 37 – 42]. Именно он является для шкидцев настоящим авторитетом. Достаточно вспомнить признание Коли Громнощцева, ставшего студентом сельскохозяйственного техникума: «Викниксор хорошо сделал, что определил меня сюда. Передайте ему привет и мое восхищение перед его талантом предугадывать жизнь, находить пути для нас» [т. 2, с. 393].

Идею «Небесного отцовства» воплощает и герой рассказа «Портрет» дядя Костя, по прозвищу Борода, который принимает сироту Коську в свою семью. Несмотря на то, что у Бороды тяжелое прошлое (в царское время он прошёл через каторгу), герой Пантелеева открывает свое сердце и полностью доверяет беспризорному мальчику, полагая, что тяжелые времена не вытеснили из души ребенка совесть и порядочность: «Костя! Ключ на том месте, где ты вчера выйти хотел. Заходи, пей чай, шамай. Сахар на полочке. Наколи дров, если умешь» [т. 1, с. 408]. Борода думает не только о материальных, но и о душевных потребностях ребенка, зная, что Коська лишен и родителей, и обучения, и многого другого.

В тех же произведениях Л. Пантелеева, в которых не актуализируется ситуация потери родителя, образ главы семейства реализуется в гендерном контексте «отцовское – материнское». Такое воплощение архетипа Отца мы встречаем в дневниковых записях писателя «Наша Маша», посвященных его дочери. Заметим, что помимо традиционной роли главы семейства, Пантелеев проявляет по отношению к Маше свойства, присущие скорее женщине-матери. Считается, что женщина, оставаясь «преимущественно в рамках роли жены / матери... передает свои ролевые навыки и ожидания, свой образ жизни следующему поколению с большей вероятностью, чем отец» [Чодороу, с. 208]. Хотя у Маши есть любящая и заботливая мать, судя по дневнику писателя, именно отец в большей степени, чем Элико, воспитывает дочку.

Усиление женского начала в образе родителя мужского пола можно объяснить тем, что с изменением социального мира меняются и нормативные ценности отцовства. В недалёком прошлом социокультурный канон, характерный для патриархального общества, выдвигал на первое место властность и суровость как антитезу и «дополнение материнской любви» [Кон]. Достаточно вспомнить автобиографическую повесть Л. Пантелеева «Ленька Пантелеев», в которой перед нами предстаёт образ главы семейства, наделённого строгостью, а порой и жестокостью. Отец мальчика явно противопоставлен доброй и спокойной матери: развивая в сыновьях храбрость, он «совсем маленькими сажал их на большой платяной шкаф, стоявший в прихожей. Мальчики плакали, орали, мать плакала тоже. Отец сидел в кабинете и поглядывал на часы. Эти «уроки храбрости» длились пятнадцать минут» [т. 1, с. 39]. Однако, несмотря ни на что, сын «страстно любил, так горячо обожал» [Там же, с. 50] отца. Любые отстранения от подобного образа воспринимались мальчиком как нечто необычное и непривычное. Однако в современном мире «отцовская любовь и тепло» [Кон], становятся более эффективными средствами «воспитания, чем строгость и телесные наказания» [Там же]. Поэтому не случайно неукоснительные требования и запреты по отношению к ребёнку вызывают у автора записок сомнения и рефлексии: «И все как будто правильно. Проявили настойчивость, твердость. Наказали. Проучили. А меня не оставляет ощущение сделанной ошибки» [т. 4, с. 107].

Разумеется, «многие мужчины формируют свои отцовские цели и методы в зависимости от собственных детских воспоминаний, подражая своим отцам или, напротив, желая исправить их недостатки. В эстафете отцовского опыта действует как механизм подражания (отец или дед как ролевые модели), так и критическая переработка отрицательного опыта (сын хочет быть лучше своего отца и избежать его ошибок)» [Кон]. Л. Пантелеев, вспоминая о своем отце («Отец на всю свою короткую жизнь зарядился, пропитался хорошими манерами и требовал, чтобы и мы их соблюдали» [т. 4, с. 128]), старается воспринять его опыт воспитания и научить азам хорошего поведения и свою Машу.

Феминизация мужского сознания представлена и в других произведениях Л. Пантелеева. В рассказе «Карусели» читатель вновь встречается с отцом и его дочкой Машей, которые по-прежнему проводят много времени вместе. Любящий родитель с удовольствием включается в игру с девочкой, хотя занятия с ребёнком женского пола – занятие, традиционно присущее матери семейства. В рассказе «Настенька» архетип Отца реализуется также в гендерном аспекте, но только по отношению к другим детям. Рассказчик грустно иронизирует по поводу родителя, который выполняет любые капризы своей избалованной дочурки: «Ведь по всему видно, что капитан человек храбрый. Не один раз небось водил он в атаку роты и батальоны, десятки, а может быть, и сотни, и тысячи людей подчинялись его слову, его приказу. А тут перед четырехлетней пигалицей этот герой теряется, робеет, отступает по всему фронту» [т. 3,

с. 280]. Приём градации актуализирует авторскую мысль о плодах по-добного воспитания: «Нет, дорогой капитан, боюсь, не успеется! Боюсь, придет время, и сядет эта милая сероглазая Настенька на шею папегенералу и маме-генеральше, и всем близким, и всему роду человеческому...» [Там же].

Таким образом, рассмотрев произведения Л. Пантелеева, можно прийти к выводу о том, что архетип Отца проходит через все творчество писателя. Воплощение данного архетипа зависит от исторического времени, в котором живут персонажи писателя. В произведениях, актуализирующих ситуацию потери родного отца в связи с социальными катаклизмами, данный архетип реализуется в религиозном контексте, воплощающем идею «Небесного отцовства». В повестях и рассказах, действие которых происходит в мирное время, архетип Отца представлен в образе главы семейства в гендерном контексте «отцовское-материнское».

Примечания

¹ Рассмотрению произведений Л. Пантелеева в рамках социологического или педагогического подходов посвящен ряд работ:

Ивич А. Воспитание поколений? о сов. литературе для детей: 4-е изд. М., 1969. 464 с.

Путилова Е. О... Началось в республике Шкид: очерк жизни и творчества Л. Пантелеева. Л., 1986. 126 с.: ил.

Сарнов Б. Л. Пантелеев: критико-биограф. очерк. М., 1959. 127 с.

Литература

Болен Дж. Ш. Боги в каждом мужчине: архетипы, управляющие жизнью мужчин / пер. Е. Мирошниченко. ИД «София», 2005. – URL: <http://www.psylib.org.ua/books/bolen02/index.htm> (дата обращения: 09.11.2014).

Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе / Петрозаводск, 1995. – URL: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/kategorija-sobornosti-v-russkoj-literature_0.pdf (дата обращения: 09.11.2014).

Кон И. С. Кризис отцовства и вертикаль власти // Русский Глобус: Международ. интернет-журн. 2010. № 2. – URL: <http://www.russian-globe.com/N96/Kon.KrizisOtsovstvaIVertikalVlasti.htm> (дата обращения: 09.11.2014).

Краснов М. А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 27 – 38.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1: Ленька Пантелеев. Первые рассказы. Л., 1970. 479 с.: ил.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4т. Т.2: «Республика ШКИД». Шкидские рассказы. Л., 1970.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т.3: Рассказы. Воспоминания. Дневники. Одноактные пьесы. Л., 1972.

Пантелеев Л. Собр. соч.: в 4 т. Т.4: Наша Маша. Литературные портреты. Л., 1971.

Савина Л. Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в. (Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские

годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»): монография. Волгоград, 2002.

Семкина Ю. Г. Феномен «государственного отцовства» в современной женской прозе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Филол. науки. 2013. № 1(76).

Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера: пер. с англ. М., 2006. 496 с. – (Гендерная коллекция. Зарубежная классика).

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени – URL: http://books/pdf/1356634815_problemidushi.pdf (дата обращения: 09.11.2014).

References

Bolen Dzh. Sh. Bogi v kazhdom muzhchine: arkhetypy, upravlyayushchie zhizn'yu muzhchin / Dzh. Sh. Bolen; per. E. Miroshnichenko. – ID «Sofiya», 2005. – URL? <http://www.psylib.org.ua/books/bolen02/index.htm>. (data obrashcheniya: 09.11.2014).

Esaulov I. A. Kategoriya sobornosti v russkoi literature. Petrozavodsk: Izd-vo Petrozavod. un-ta, 1995. – URL: http://russian-literature.com/sites/default/files/pdf/kategorija-sobornosti-v-russkoj-literature_0.pdf. (data obrashcheniya 09.11.2014).

Kon I. S. Krizis ottsovstva i vertikal' vlasti / I. S. Kon // Russkii Globus: Mezhd. internet-zhurn. 2010. № 2. – URL: <http://www.russian-globe.com/N96/Kon.KrizisOttsovstvaIVertikalVlasti.htm> (data obrashcheniya: 09.11.2014).

Krasnov M. A. Glava gosudarstva: retseptsiya idei «ottsovstva» // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 6. S. 27 – 38.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 1: Len'ka Panteleev. Pervye rasskazy. L.? Det. literatura, 1970.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 2: «Respublika ShKID». Shkidskie rasskazy. L., 1970.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3: Rasskazy. Vospominaniya. Dnevnik. Odnokaknye p'esy. L., 1972.

Panteleev L. Sobr. soch.: v 4 t. T.4: Nasha Masha. Literaturnye portrety. L., 1971.

Savina L. N. Problematika i poetika avtobiograficheskikh povestei o detstve vtoroi poloviny XIX v. (L.N. Tolstoy «Detstvo», S.T. Aksakov «Detskie gody Bagrova-vnuka», N.G. Garin-Mikhailovskii «Detstvo Temy»): monografiya. Volgograd, 2002.

Semikina Yu. G. Fenomen «gosudarstvennogo ottsovstva» v sovremennoi zhenskoi proze // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. Filologicheskie nauki. 2013. № 1(76).

Chodorou N. Vosproizvodstvo materinstva: psikhoanaliz i sotsiologiya gendera? per. s angl. M., 2006. (Gendernaya kolleksiya. Zarubezhnaya klassika).

Yung K. G. Problemy dushi nashego vremeni. – URL: http://books/pdf/1356634815_problemidushi.pdf (data obrashcheniya 09.11.2014).

Batova O.S. (Volgograd state social and pedagogic university, Volgograd, Russian Federation)
Father's archetype in L.Panteleev's creative work

This article gives an uncommon interpretation of works by L. Panteleev, which allows to pay attention to unexplored in the Soviet era ideas, themes, motifs, images of the writer, as well as to look differently at the known texts. Focus is concentrated on considering of myth and poetic "layer" of works by L.Panteleev. The paper presents the archetype of the Father, which is implemented in the religious and gender contexts. It is proved the importance of this archetype in the literary heritage of the writer. Special attention is paid to the time of action of the analyzed works which reflects the era of social collapses, wars and revolutions (novel "The Republic SHKID", story "Portrait"), and in peacetime (diaries of L. Panteleev "Our Masha" story "Caruseli" autobiographical novel "Lenka Panteleeva", story "Nastya"), which helps to understand and trace the relationship of historical time with the archetype of the Father. Of particular interest is the study of the feminization of the male characters in the author's mind, which makes it possible to see various embodiments of the archetype of the Father, and to present the most complete realization of the idea of fatherhood.

Key words: *archetype, idea of fatherhood, father, gender, feminization.*

Batova Olga Sergeevna – post-graduate student of literature dpt. Volgograd state social-pedagogical university. E-mail: reutolga@yandex.ru.